

Н. Д О Л И Н И Н А

**Предисловие
к
Достоевскому**

**ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1980**

мы с тобой. Он ребенок; его и воспитали не так. Разве не понимает, что делает?.. У него нет характера... Он и дурной поступок, пожалуй, сделает; да обвинить-то его за этот дурной поступок нельзя будет, а *разве что пожалеть...*»

Вот одно из трагических открытий Достоевского: любят не такого, «как вот мы с тобой», а такого, кто не похож на «всех других». Пусть он и хуже, да другой. Мы читаем — и никак не можем понять: почему же она полюбила такого пустого, неверного, слабого человека. А у нее в душе живет не понятное со стороны, но для нее несомненное убеждение, что человек этот без нее пропадет, что она ему необходима, что она за него отвечает, нельзя ей от него отвернуться, он без нее погибнет. И то же ощущение — у Ивана Петровича: нельзя теперь думать о себе, потому что она без него пропадет, погибнет.

Почти невозможно поверить в ту мысль о спасении стариков, которая пришла ему в голову: «Я тебя научу, как сделать, Наташечка. Я берусь вам все устроить, все, и свидания, и все... Только из дома-то не уходи!.. Я буду переносить ваши письма; отчего же не переносить? Это лучше, чем тешение. Я сумею это сделать...»

Да бывает ли такая любовь?

Не придумал ли ее Достоевский? Нет. Он ее пережил — все то, что говорит сейчас Иван Петрович, было в жизни Достоевского. Когда он служил солдатом в Семипалатинске, там он впервые узнал ту мучительную, страстную любовь-жальство, какую мы видим у его прекрасных героев. Он встретился там с женой маленькою, полуницей и всегда пьяного чиновника — Исаева (может быть, Исаев потом стал в какой-то степени прообразом для Мармеладова из «Преступления и наказания»). Достоевский полюбил Марию Дмитриевну Исаеву и выстрадал это чувство, как страдали его герои. «По крайней мере *жил*, хоть и страдал, да *жил!* (курсив Достоевского) — писал он позже, но в письмах той поры Достоевский признавался: выдержать эту муку почти невозможно: «О, не дай господи никому этого страшного грозного чувства! Велика радость любви, но страдания так ужасны, что лучше бы никогда не любить...»

Муж Марии Дмитриевны получил назначение в другой город — Достоевский был в отчаянии. Но в еще большее отчаяние привело его известие о смерти Исаева и о том, что Мария Дмитриевна, больная туберкулезом, с ребенком

на руках, осталась без всяких средств к существованию — и он ничем не может ей помочь, так как остается «бессрочным солдатом». И всё-таки он достает денег, пробует устроить сына Марии Дмитриевны учиться, наконец, добивается служебной командировки в Барнаул и оттуда заезжает в город, где жила Мария Дмитриевна.

И вот здесь с ним происходит то, что с Иваном Петровичем. Мария Дмитриевна полюбила другого — «личность совершенно бесцветную», по свидетельству друзей Достоевского. Ни одним словом он не осудил ни ее, ни своего соперника. Достоевский хлопочет о службе для этого человека ради нее, ради ее счастья: «Она не должна страдать». Он встречается со своим соперником — так хотела Мария Дмитриевна. «С ним я сошелся, — писал Достоевский другу, — он плакал у меня, но он только и умеет плакать!»

Эта любовь-мученье, любовь-сострадание, испытанная Достоевским, выльется много позже на страницы его книг, в особенности романа «Идиот». Думая не о себе, а о счастье любимой женщины, Достоевский мучительно хотел понять, будет ли она счастлива с человеком легкомысленным и молодым, «не сгубит ли он женщину для своего счастья». И еще раз он пишет в письме той поры: «Чем кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замирает». То, что чувствовала она, тоже нашло свое отражение и в «Униженных и оскорбленных», и в «Идиоте». Несчастная женщина любила обоих соперников, и мучилась, и страдала от этого раздвоения. Когда она решилась выйти замуж за Достоевского, молодой учитель, которого она любила, был одним из поручителей — несомненно, Достоевский помнил об этом, когда заставил Настасью Филипповну бежать из-под венца с князем Мышкиным к его сопернику Рогожину. Перед свадьбой с Марией Дмитриевной Достоевский писал о своем сопернике в письме: «...теперь он мне дороже брата родного» — эта мысль войдет в роман «Идиот», где соперники обменяются крестами, «побратаются».

Иван Петрович в «Униженных и оскорбленных» ни разу еще ни в чем не упрекнул Алешу. Он готов служить влюбленным, готов переступить через себя ради их счастья.

Наташа понимает эту жертву: «Добрый, честный ты человек! И ни слова-то о себе! Я же тебя оставила первая, а ты все прости, только об моем счастье и думаешь. Письма нам переносить хочешь... А я, я... Боже мой, как я перед тобой ви-

новата! Помнишь, Ваня, помнишь и наше время с тобою? Ох, лучше б я не знала, не встречала *его* никогда!..» (курсив Достоевского).

Может быть, эти мучительные страсти выпадают на долю вовсе не только великих людей, просто не каждый, испытавший их, может описать, а главное, не каждый — понять, почувствовать не только за себя, но и за ту, кого любит.

Многие люди уверены, что любовь — непременно счастливое чувство, оно дает человеку только блаженство. У героев Достоевского любовь всегда мучительна, но она так высока, так сильна, что, несмотря на ее мученье, завидуешь такому высокому накалу человеческих чувств.

Описанные Достоевским и в «Униженных и оскорбленных», и в «Идиоте», в «Игроке» и в «Братьях Карамазовых» женщины больше всего страдают от раздвоенности своего чувства, от того, что любят не того, с кем было бы хорошо и счастливо, а того, кто принесет мученье и гибель.

Наташа говорит Ивану Петровичу: «Ваня, послушай, если я и люблю Алешу как безумная, как сумасшедшая, то тебя, может быть, еще больше, как друга моего, люблю».

Этот разговор Наташи с Иваном Петровичем на набережной, когда она уже ничего не скрывает, когда ждет Алешу, потому что навеки ушла к нему, оставив родителей, оскорбив отца, — это один из самых страшных разговоров, написанных Достоевским, понятых и пережитых им вместе с героями.

Один только раз на протяжении этого разговора у Ивана Петровича прорывается собственное страдание. «Что твой новый роман, подвигается ли?» — спрашивает Наташа. Иван Петрович не успевает сдержаться: «До романов ли... теперь, Наташа!» Но тут же спохватывается: «Да и что мои дела! Ничего; так себе, да и бог с ними».

В ответ на это признание он узнает, что происходит в жизни Наташи. Князь сватает сыну богатую, молодую, красивую невесту: «Уж Алеша увлекается ею». Алеша со своей полной и неразмышающей честностью во всем рассказывает: отцу он рассказал о своей любви к Наташе, Наташе — о том, как хороша и как ему нравится Катя — невеста, которую ему сватает князь.

Иван Петрович не может ничего понять, задает вопросы и не получает на них ответов, но главное Наташа объясняет ему, и это главное — та самая любовь, какой не знали герои ни одного писателя, кроме Достоевского.

«СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО» И ДРУГИЕ КНИГИ...

Достоевский провел четыре года в Омском каторжном остроге, о первых впечатлениях от которого он написал позднее: «...это был ад, тьма кромешная». Как ему удалось не только выжить в этом «мертвом доме», но и сохранить живую душу, доброе отношение к людям, к жизни? Достоевский ответил на эти вопросы сам, в своей книге «Записки из Мертвого дома». После каторги Достоевский был зачислен рядовым в Сибирский седьмой линейный батальон, куда был отправлен по этапу — в город Семипалатинск. Уже в семипалатинские годы он начал записывать свои каторжные впечатления, из которых сложилась впоследствии книга «Записки из Мертвого дома». Достоевский писал о каторге жестокую правду, описывал убийц и разбойников, среди которых провел почти полторы тысячи дней и ночей. Но среди этих людей были и светлые, добрые души, о них помнил Достоевский, когда писал свою книгу.

Самое же главное, самое тягостное — были те мысли, которые одолевали Достоевского на каторге и в ссылке. Он думал о кружке Петрашевского и его деятельности — ведь, в сущности, члены кружка больше разговаривали, чем действовали. Такая страшная кара постигла их всего только за разговоры и чтение. После двадцати минут на эшафоте Достоевский понял, что жизнь — бесценное благо и что его, Федора Достоевского, жизнь принадлежит не ему одному: он должен успеть за свою жизнь отдать долг русской литературе, написать те книги, о которых мечтал и в Петропавловской крепости, и на каторге, и в ссылке. Теперь, в Семипалатинске, при всей трудности ссыльных условий, в которые он попал, Достоевский обрел друзей, обрел любовь. В январе 1857 года он женился на Марии Дмитриевне Исаевой. Теперь у него была семья: Мария Дмитриевна и ее сын. Достоевский стремился работать, чтобы обеспечить свою семью. В семипалатинские годы он начал писать одновременно несколько повестей и статей, задумал «большой роман», рассчитывая на несколько лет работы.

О ЖИЗНИ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевский вернулся в Петербург и снова вошел в литературу, но жизнь по-прежнему не баловала его. Брак его с Марией Дмитриевной нельзя было назвать счастливым. Тяжело больная, измученная пережитыми несчастьями и нищетой, жена не могла стать ему ни другом, ни помощницей. А Достоевский взваливал на себя все больше дел. Вместе с братом Михаилом Михайловичем он редактирует журнал «Время», привлекает к нему самых ярких писателей той эпохи: Островского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Помяловского, Курочкина...

Но Достоевский решительно не умел ни разбогатеть, став издателем журнала, ни даже сколько-нибудь прилично обеспечить свою семью.

Журнал «Время» просуществовал недолго и был закрыт за помещение неугодной царскому правительству статьи.

Через год брат Достоевского добился разрешения издавать другой журнал — «Эпоха». Но все это не могло наладить материальных дел братьев. Достоевский работает без сна и отдыха, соглашается на самые невыгодные условия, чтобы только получить немного денег.

Похожая ситуация описана в эпилоге «Униженных и оскорбленных», где совсем уже больной, уставший до изнеможения Иван Петрович в двое суток кончает большую работу и едет к своему издателю, чтобы получить хоть пятьдесят рублей.

Так и Достоевскому приходилось подписывать договоры на самых кабальных условиях, и он никак не мог избавиться от долгов.

В 1864 году Достоевский пережил две тяжелые потери за полгода: умерла его жена Мария Дмитриевна, и умер брат Михаил Михайлович, связанный с Достоевским общей журналистской работой и бывший для него самым близким человеком в течение всей жизни.

Федор Михайлович остается кормильцем огромной разросшейся семьи. С ним остался сын Марии Дмитриевны, жена и дети брата.

Нужно было работать быстро, семье не хватало тех небольших денег, которые периодически получал Достоевский за свой труд.

А ведь в 60-е годы он уже становился тем зрелым Достоевским, которого мы и теперь читаем с трепетом. В 1866 году он приступил к «Преступлению и наказанию». Этот большой, огромный философский роман потребовал напряжения всех сил, мыслей, чувств.

Работа уже шла к концу, оставалось написать только последнюю часть, когда Достоевский остановился в недоумении. Он был опутан, как цепями, «драконовским» контрактом с издателем Стелловским. По этому контракту писатель должен был через месяц сдать Стелловскому другой роман, новый, в двенадцать печатных листов (по нашему счету, 300 страниц на машинке). Если бы он не успел кончить работу в срок, то Стелловский имел право в течение девяти лет издавать все написанное Ф. М. Достоевским, не выплачивая ему ни копейки.

Положение казалось безвыходным: новый роман еще не был даже начат, хотя Достоевский уже полностью придумал его. Об этом он рассказал друзьям, а те посоветовали нанять стенографистку и продиктовать роман — так можно было надеяться, что работа уложится в месяц. Достоевский нервничал, не верил, что такая работа у него получится.

Но все-таки он согласился попробовать, и 4 октября 1866 года к нему пришла молодая стенографистка Анна Григорьевна Синтикина.

Она вспоминала потом об этой встрече: «Он мне показался рассеянным, тяжко озабоченным, беспомощным, раздраженным, почти больным».

Однако встреча эта перевернула всю жизнь Федора Михайловича и Анны Григорьевны тоже. Работа со стенографисткой удалась. Роман «Игрок» был написан за двадцать шесть дней, и Достоевский попросил Анну Григорьевну помочь ему в работе над окончанием «Преступления и наказания». Достоевский, которому было уже сорок пять лет, не решался предложить двадцатилетней Анне Григорьевне выйти за него замуж. Поэтому он рассказал ей как будто замы-